

письмена

// единица хранения //

// собиратель //

// российское зарубежье //

// роспись //

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И. Бунин

Андрей Хренков

Последний паспорт Пржевальского

Н.М. Пржевальский на смертном одре и его могила на берегу озера Иссык-Куль.

Андрей Вальтерович Хренков – кандидат исторических наук, ответственный секретарь журнала «Азия и Африка сегодня».

Путешествие это не состоялось, вернее – трагически прервалось в самом начале: руководитель экспедиции генерал Н.М. Пржевальский внезапно заболел и скоропостижно скончался у озера Иссык-Куль, где и был похоронен, согласно своему предсмертному завещанию. Через год городок Каракол, исходный пункт его последней экспедиции, был, «по высочайшему повелению», переименован в Пржевальск. (В наши дни власти Кыргызстана вернули городу прежнее имя).

Мало кто знает, однако, что у этого несостоявшегося путешествия была весьма драматическая подоплёка, нашедшая отражение в напряжённом многомесячном противостоянии внешнеполитических ведомств России и Китая. Дело в том, что китайцы очень не хотели пускать к себе новую экспедицию Пржевальского, в особенности же их настораживало его намерение проникнуть в глубь Тибета, в его закрытую для чужестранцев столицу Лхасу.

Научное путешествие или военная рекогносцировка?

19 марта 1888 г. военный министр России генерал-адъютант П.С. Ванновский официальным письмом уведомил своего коллегу, министра иностранных дел Н.К. Гирса о том, что по его «всеподданнейшему докладу» от 15 марта «Государь Император ... Высочайше разрешит соизволил Члену Военно-Учёного Комитета Главного Штаба ... Генерал-Майору Пржевальскому предпринять пятое учёное путешествие в Центральную Азию».¹

Выступление экспедиции было намечено на предстоящую осень, а исходным пунктом избран город Каракол, расположенный в Семиречье. Касательно маршрута экспедиции в письме сообщалось, что весну и осень следующего 1889 г. Пржевальский предполагает посвятить исследованию «совершенно неведомого северо-западного Тибета», а затем «по ... обновлению запасов» двинуться далее в саму Лхасу, где «в случае радушного приёма ему предоставится возможность исследовать восточную Тибетскую провинцию Кам; при недружелюбной же встрече придётся возвратиться ... и заняться, смотря по обстоятельствам, исследованием северо-восточного или западного Тибета по направлению к Ладаку».

Генерал Ванновский не скрывал, что экспедиция генерала Пржевальского, «независимо от высокого общенаучного интереса, имеет важное значение в военном отношении в смысле изучения путей, могущих иметь значение в случае борьбы с Китаем, и настроения Тибетцев, в виду стремления англичан проникнуть в их страну через Сиким²». То, как будут реагировать тибетцы на попытки проникновения к ним русских должен был выяснить сам Пржевальский, что называется, «на собственном опыте». Военному министерству, кажется, очень хотелось узнать, кого тибетцы «любят больше» – русских или англичан.

Экспедиция предполагалась рискованная, не случайно в её состав были включены почти исключительно люди военные: два офицера – поручик 145-го Новочеркасского полка В.И. Роборовский и подпоручик 1-го лейб-гренадерского Екатеринбургского полка П.К. Козлов и 24 нижних

Обложка первой посмертной брошюры, посвящённой Н.М. Пржевальскому.

чина, преимущественно из казачьих полков. Роборовский и Козлов принимали уже участие в экспедициях Пржевальского и были опытными путешественниками.

Сообщая о решении императора, военный министр просил внешнеполитическое ведомство выхлопотать для генерала Пржевальского и членов его экспедиции «китайский паспорт» – так в то время называли выдаваемый пекинскими властями документ (*ху-чжао*), служивший иностранным путешественникам одновременно и удостоверением личности, и разрешением на въезд в страну, и охранным листом при проезде по её территории. К письму было приложено два прежних «паспорта» Пржевальского – два больших сложенных вчетверо листа, заполненных каллиграфически выписанными цветными иероглифами, переведёнными здесь же на русский и французский языки.

Запрос русскому посланнику в Пекине был отправлен немедленно, однако прошло почти два месяца, прежде чем от него пришёл ответ. Ответ был неожиданным и неутешительным. В шифротелеграмме действительного статского советника А.М. Кумани сообщалось: «Путешествие Генерала Пржевальского вызывает возражение многочисленным конвоем и намерением посетить заповедные места Тибета ... настаиваю, но дело в недоверии и опасениях, вызванных огласкою его воззрений».

Таким образом, после двух месяцев беспрестанных хлопот и неоднократных напоминаний из Петербурга А.М. Кумани пришлось признать, что его ходатайства

¹ В статье воспроизводятся документы из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 12, лл. 4–40, 73. Орфография и пунктуация источников в основном сохраняются. Даты даны по старому стилю или через дробь.

² Сиким (совр. Сикким) – княжество в предгорьях Гималаев к северо-востоку от Индии. С 1949 г. – под протекторатом Индии, с 1975 г. – штат Индии.

Переправа через хребет Торгай. Третья экспедиция Н.М. Пржевальского в Центральную Азию (1880–1881).

остаются безуспешными. Случай в двусторонних отношениях Пекина и Петербурга до той поры небывалый! Формальных причин для отказа было названо две: слишком многочисленный вооруженный конвой и намерение проникнуть в «заповедные места Тибета». Однако главной причиной, проговаривается посланник, были ставшие достоянием гласности воззрения главы экспедиции.

Воззрения, о которых идёт речь, касались российско-китайских отношений и отличались довольно откровенной имперской тональностью. В своих статьях знаменитый путешественник, осыпанный официальными почестями, не скрывал экспансионистских взглядов в отношении ряда окраинных территорий Поднебесной империи. В то время в политических салонах европейских держав цинский Китай полушёпотом называли «большим человеком Азии», который не сегодня-завтра скончается, и державам, имеющим там интересы, следует готовиться к этому заранее. Пржевальский был одним из активных сторонников утверждения России в Центральной Азии, а масштаб его личности, выдающиеся научные заслуги и близость к властям придавали его высказываниям и идеям особый резонанс. С позиций сегодняшнего дня взгляды его можно с полным основанием назвать империалистическими.

Как бы то ни было, отказ китайских властей выдать Пржевальскому разрешение на въезд вызвал возмущение в Петербурге, и прежде всего в военном ведомстве. Под давлением военных и двора МИД приказыва-

ет Кумани вновь повторить официальное ходатайство и добиться успеха. Речь ведь идёт не о каком-то начинающем исследователе, а о мировой научной величине, почётном члене нескольких зарубежных географических обществ и, по сути дела, о престиже России.

Кумани предпринимает ещё одну попытку, но вновь получает отказ. В телеграмме от 24 мая он сообщает: «Ямынь»¹ вновь отклоняет поездку Пржевальского, как по прежним причинам, так и по подозрительности Тибетцев».

Натолкнувшись на столь упорное сопротивление китайской стороны, возможно, подкрепляемое моральной поддержкой британского посланника в Пекине, МИД попытался убедить путешественника изменить первоначально намеченный маршрут и отказаться от посещения Тибета. Вместе с тем, Кумани предписывают продолжать настояния и добиться положительного ответа. «Не оправдывая литературной нескромности Пржевальского, – телеграфирует посланнику в Пекине директор 1-го департамента МИД И.А. Зиновьев, – прошу Вас, если возможно, сделать ещё попытку, чтобы устроить его путешествие, на которое последовало Высочайшее повеление». Однако и к середине июня, на который был намечен отъезд Пржевальского из Петербурга к месту выступления экспедиции, посланник в Пекине ещё не имел от *цзун-ли-ямыня* положительного ответа.

¹ Ямынь, точнее *цзун-ли-ямынь* – министерство иностранных дел императорского Китая.

Министерский покер

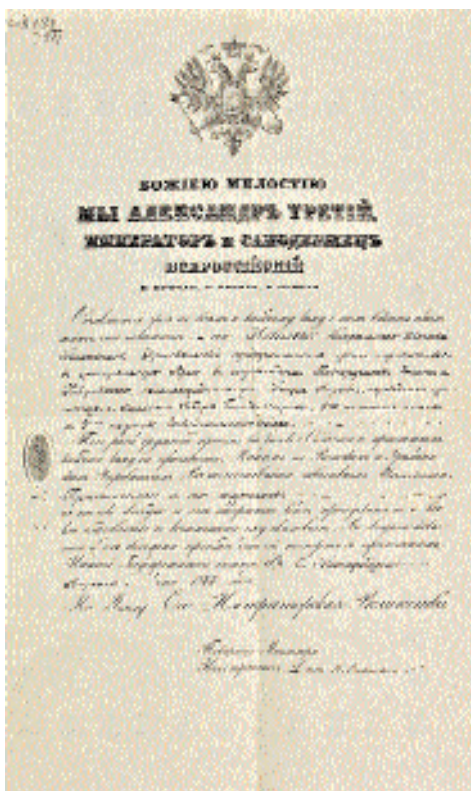
С мулами через лес.

Неизвестно, удостоил ли Пржевальский ответом направленное ему 25 мая из МИДа письмо (в деле его нет). Однако не подлежит сомнению, что он ознакомил с ним военное министерство. За своего подчинённого ответил генерал Ванновский, для которого военный аспект предстоящей экспедиции перевешивал прочие, а проникновение в Тибет имело особое значение.

16 июня военный министр направил Н.К. Гирсу довольно резкое письмо, где почти откровенно пенял тому, что его подчинённые не умеют работать и отстаивать интересы России. Словно поучая заочно русского посланника в Пекине, как тому надлежало бы отвечать на возражения и доводы китайских министров, Ванновский писал: «С этими доводами никак нельзя согласиться, потому что Генерал Пржевальский был уже два раза с китайским паспортом в Тибете и в 1886 г. его конвой состоял из 20 нижних чинов. Охраны от Китайского правительства он не имел, да китайцы при их положении в Тибете и не могут дать ему никакого существенного обеспечения. Генерал Пржевальский как прежде, так и в этот раз только и просит, чтобы при следовании через Тибет ему не было отказано в праве нанимать в жилых местах проводников и покупать продовольствие для экспедиции. От нападений разных шаяк китайцы его оградить не могут, и он неоднократно доказал, что умеет защитить себя от разбойников. ... В виду дружественных наших отношений с Китаем ... посланник наш, я уверен, при усиленных настояниях со своей стороны добудет паспорт Генералу Пржевальскому и его спутникам. ... Но так как Генерал Пржевальский по местным

Путешественники отыскали заблудившегося в горах унтер-офицера Егорова через пять дней...

Высочайший именной указ Александра III, санкционирующий Пятую экспедицию генерала Пржевальского.

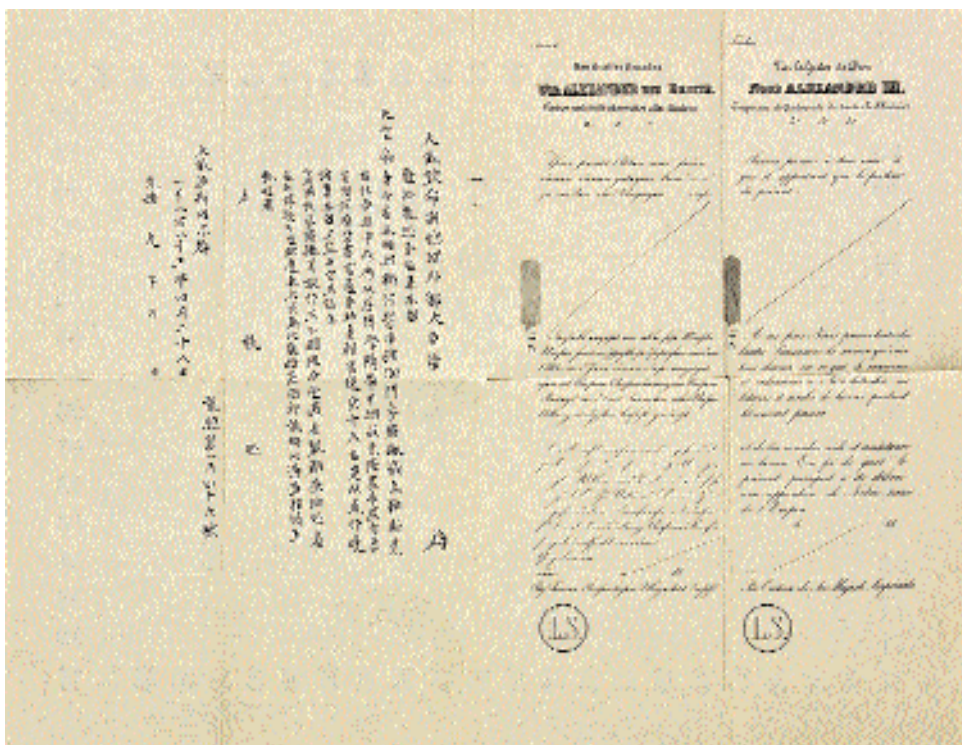
Внизу и справа – документы Н.М. Пржевальского, выданные ему Цинским правительством в разные годы. АВПРИ. ф. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 12 лл. 1–3.

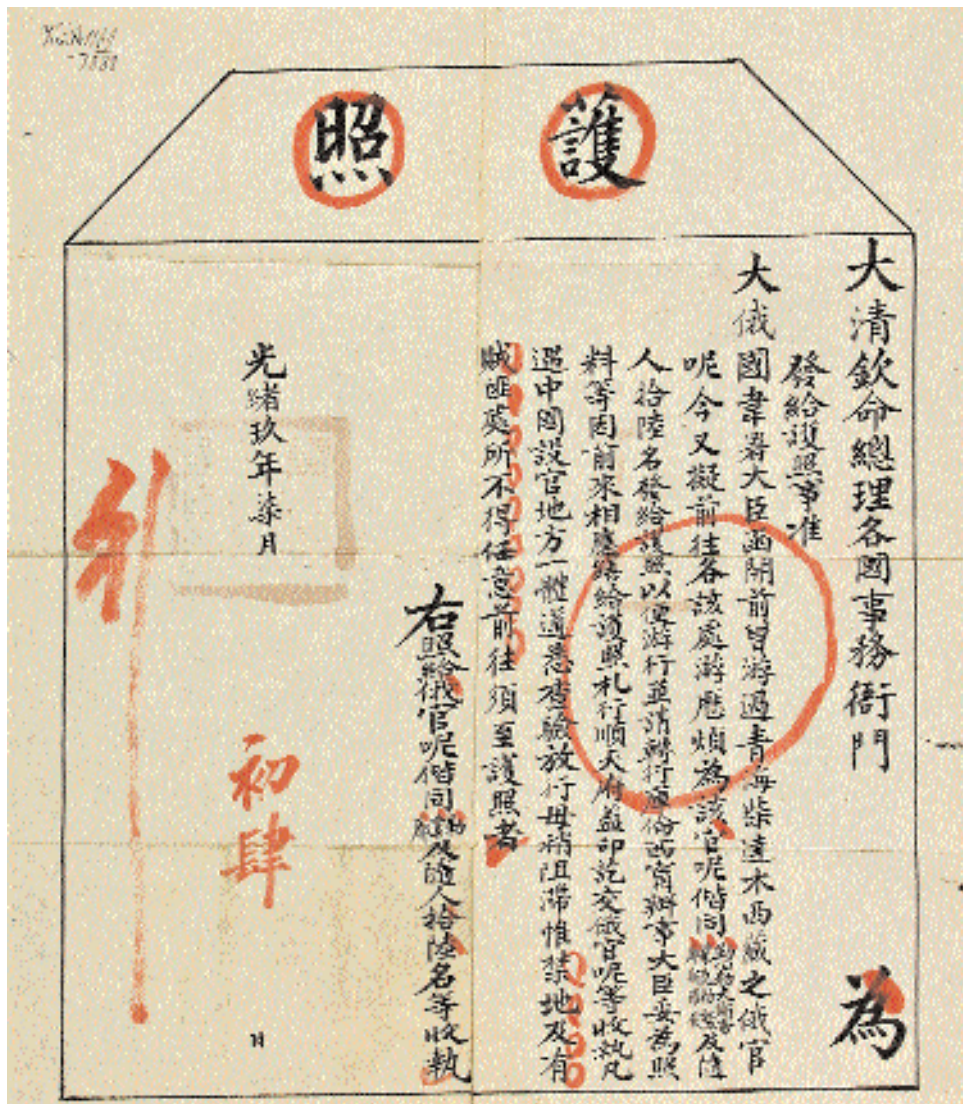
Публикуются впервые.

условиям непременно должен выступить из Каракола будущей осенью, то, в силу состоявшегося Высочайшего разрешения, он уже снарядился в экспедицию и весьма желательно поскорее получить утвердительный ответ от Китайского правительства. Вследствие сего обращаюсь к Вашему Высочайшему повелению с покорнейшею просьбою ... настоять на выдаче паспорта нашему знаменитому путешественнику...».

Забавно, что негодюя на китайцев, доблестный Пётр Семёнович ставит им в укор то, что они проявляют неуважение к Пржевальскому, «учёные труды которого известны всему образованному миру, а может быть и китайцам». Последний пассаж звучит особенно смешно, поскольку именно известность в Китае трудов Пржевальского и стала причиной, по которой его не хотели пускать туда вновь.

Была, впрочем, и ещё одна причина, из-за которой генерал Ванновский так нервничал. Это ведомственное тщеславие и боязнь осрамиться перед границей. «О предпринимаемом... 5 путешествии оглашено уже в иностранной периодической печати, – пишет он в конце письма. – Едва ли совместимо с достоинством России, чтобы новая русская экспедиция была бы отложена, вследствие уклончивых ответов китайских министров». А потому, решительно добавляет Ванновский, Пржевальский в Китай «непременно отправится с полной готовностью проникнуть

в Тибет, в крайнем случае и без китайского паспорта, если на то последует Высочайшее разрешение».

Демарш военного министра не мог не задеть самолюбия дипломатов. Российский МИД ещё больше усилил давление на официальный Пекин, приказав Кумани использовать любые возможности и в средствах не стесняться. 19 июня посланник намекнул в ответной телеграмме, что дело может получиться (ему удалось заручиться обещанием поддержки у влиятельного китайского сановника маркиза Цзена). «Если удастся, – пишет он, – донесу кабелем» (т.е. телеграфом. – А. Х.), но, словно боясь сглазить, добавляет: «Кроме необдуманности Пржевальского всегда шаткое доверие колеблется частыми поездками офицеров в Монголию и Маньчжурию, а главное, подозрениями о Корее. Более чем доношу, усиливаюсь успокоить здесь, хотя не легко уверить, что дым без огня».

// зима 2005 //

Действовать грубой силой, напролом было отнюдь не в манере Н.К. Гирса, который вообще отличался осторожностью (порой даже чрезмерной). Он понимал, что слишком сильный нажим на китайцев в таком сравнительно частном вопросе, как разрешение на въезд Пржевальского, может оказаться чреватым осложнениями в других вопросах, действительно важных и насущных для интересов России. Поэтому, приказав Кумани продолжать заниматься паспортом Пржевальского, министр решил всё же подстраховаться. 22 июня, вскоре после получения сердитого письма генерала Ванновского, Гирс представил Александру III подробный доклад, в котором сообщил об упорном нежелании китайского правительства выдать «охранный лист» экспедиции Пржевальского и выразил своё несогласие с позицией военного министерства по данному поводу.

Он прямо объявил царю, что истинная причина сопротивления китайских властей предполагаемому путешествию Пржевальского в Тибет заключается в статьях, опубликованных Пржевальским со времени его последнего путешествия, «в коих он настойчиво проводил мысль, что для установления надлежащих сношений между Россиею и империей Богдыхана нам необходимо воспользоваться слабостью средств, коими китайцы располагают в своих северо-западных областях, и дать им почувствовать нашу силу». Министр отмечал, что статьи эти в Китае были восприняты весьма болезненно, а «англо-китайская периодическая печать», не упустив случая, воспользовалась ими, чтобы внушить пекинскому кабинету мысль о том, что высказывания известного путешественника являются «отголоском намерений Императорского Правительства».

В желании Пржевальского проникнуть в Тибет во что бы то ни стало, пусть даже вопреки запрету китайского правительства (в чём, намекает министр, путешественника поддерживает военное ведомство), Гирс усматривал серьёзную опасность не только для самого Пржевальского, поскольку, по его мнению, китайцы вряд ли решились бы применить силу, чтобы «преградить путь нашему путешественнику», а для российско-китайских отношений в целом. Он предупреждал царя, что «пренебрежение Генерала Пржевальского к возражениям Китайских Министров может неблагоприятно отозваться на наших сно-

шениях с Пекинским Кабинетом и вызвать со стороны китайцев ... косвенные посягательства на наши интересы» и, более того, свести на нет достигнутые уже положительные результаты. Так, пишет он, «благодаря усиленным настояниям миссии нашей в Пекине нам удалось положить конец многочисленным придирам, на которые долгое время жаловались наши подданные, торгующие с Китайским Туркестаном, и по свидетельству Консула нашего в Кашгаре, он в течение целого года не имел повода жаловаться на неблагонамеренность местных властей. ... Нам предстоит добиться тех же результатов и в других, более отдалённых от нашей границы китайских областях... и всякое новое недоразумение с Китаем может создать нам существенное препятствие к достижению этих целей и в том числе вызвать затруднения на границе нашей с Маньчжурией, где ... интересы наши потребуют поддержания с Китаем отношений добрососедства».

Рискованные компромиссы

Хотя в конце докладной записки Н.К. Гирс заверил, что возглавляемое им ведомство делает со своей стороны всё возможное для генерала Пржевальского и что он поручил посланнику в Пекине «сделать новую попытку с целью склонить Китайских Министров к выдаче просимого Генералом Пржевальским открытого листа», однако доводы министра иностранных дел оказались настолько весомыми, что Алек-

Во времена Пржевальского путешествия по Центральной Азии были опасным предприятием.

сандр III решил изменить свою позицию в данном вопросе. Резолюция, наложенная им на полях доклада Гирса, гласила: «Если пойдёт, то на свой риск».

Чем это грозило Пржевальскому? Прежде всего потерей официального государственного покровительства обоих правительств. По существу, проникнув в Китай на свой страх и риск, он оказывался бы там вне закона и мог подвергнуться любой враждебной акции без права рассчитывать на помощь как со стороны китайских властей, так и со стороны русских консульств. Скорее всего, напрямую китайские власти не решились бы применить силу (здесь Гирс был прав). Однако в их арсенале было достаточно других средств, чтобы максимально затруднить работу и пребывание экспедиции на китайской территории и, более того, реально поставить под угрозу жизнь участников экспедиции. Ведь шайки хунхузов и без того довольно вольготно чувствовали себя на окраинах Поднебесной империи, а если бы они получили ещё и негласную индульгенцию Пекина в отношении экспедиции Пржевальского, то членам последней реально угрожала бы опасность нападений из-за засады. При этом в случае возникновения каких-то политических осложнений или неприятностей с экспедицией в Китае официальные власти России всегда имели бы возможность сказать: «А мы Пржевальскому разрешения не давали, он отправился на свой страх и риск». Вот что означала короткая резолюция царя.

По счастью, этого не произошло. Посланнику в Пекине, наконец, повезло. Кумани пишет, что подвернулся некий благоприятный случай (он не поясняет, какой именно, но можно предположить, что посланник сумел оказать какую-то значительную услугу одному из высших китайских сановников), который позволил ему «вырвать», наконец, из рук *ямыня* необходимое Пржевальскому разрешение. 1 июля 1888 г. Кумани шифром телеграфировал из Пекина: «Пользуясь случаем, хотя трудно, вытребовал охранный лист. Пришло почтою ...».

К более подробному донесению Кумани от 7/19 июля, где он повторил, что разрешение ему удалось получить «лишь благодаря случайному обстоятельству» (вновь не пояснив, какому именно), были приложены паспорт Пржевальского и официальное письмо китайского кабинета министров. «Из последнего, – писал Кумани в донесении, адресованном директору 1-го департамента МИД И.А. Зиновьеву, – Вы ... изволите усмотреть, какими оговорками и предосторожностями обставлено данное Генералу Пржевальскому разрешение... Охранный лист ограничивает конвой ... 16-ю человеками; но из слов Маркиза Цзена я заключаю, что можно будет взять несколько более. Для большего облегчения дела, быть может, Генерал Пржевальский найдёт удобным отправить несколько казаков (свыше 16-ти) через границу вперёд, под видом простых торговых людей, до Кашгара, а оттуда, под тою же личиною, присоединить их к своему каравану. Впрочем,

Тибетское кочевье.

КАК ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

Прежде чем приступить к рассказу о своём четвёртом путешествии по Центральной Азии, признаю уместным напечатать главу — какими способами выполнялись мною такие путешествия.¹ Делаю это с целью поделиться своею опытностью с будущими исследователями тех же стран и убеждён, что мои советы, проверенные многолетним опытом, значительно пригодятся для путешественников-новичков. Пусть только они твёрдо помнят, что кабинетные теории и практическое дело — две вещи разные; что «лучшее часто является врагом хорошего», и что «не ошибается только тот, кто ничего не делает». Вместе с тем необходимо оговорить, что мои «рецепты» путешествия пригодны лишь для пустынь Центральной Азии и для той исключительной обстановки, в которую попадает там путешественник при своих научных рекогносцировках. Таковыми именно и были все мои странствования. Подробные же исследования более доступных местностей, на небольших сравнительно площадях, или ещё лучше специальными станциями — к чему именно и должны привести предварительные быстролётные разведки — могут и должны совершаться при изменённых условиях, частью же и совсем иными способами. Во всяком случае, даже те специальные указания, которые будут приведены ниже, обнимают собою суть дела лишь в общих чертах и, конечно, могут изменяться при условиях иной обстановки путешествия. Предлагается, так сказать, общая канва, пополнять которую, сообразно обстоятельствам, вполне зависит от самого путешественника.

С его личности и начнём своё повествование.

Личность путешественника. Хотя, конечно, трудно, даже невозможно подыскать человека по данной формуле, тем не менее некоторые характерные черты, с большими или меньшими их вариациями, необходимо должны быть присущи тому индивидууму, для которого выпадет завидная доля научного исследователя далёких стран Центральной Азии. Не ковром там будет постлана ему дорога, не с приветливой улыбкой встретит его дикая пустыня, и не сами полезут ему в руки научные открытия. Нет! Ценою тяжёлых трудов и многообразных испытаний, как физических, так и нравственных, придётся заплатить даже за первые крохи открытий. Поэтому для человека, ставшего во главе подобного дела, безусловно необходимы как крепость физическая, так и сила нравственная. Цветущее здоровье, крепкие мускулы и ещё лучше атлетическое сложение с одной стороны, а с другой — сильный характер, энергия и решимость — вот те качества, которые всего надёжнее будут гарантировать успех предприятия. Вместе с тем, конечно, необходима научная подготовка, специальная хотя бы в немногом, но при хорошем умственном развитии вообще и при достаточном знакомстве с различными отраслями предстоящих исследований. Далее, врождённая страсть к путешествиям и беззаветное увлечение своим делом явятся могучими рычагами успеха, ибо будут поддерживать и согревать в те трудные минуты, которые придётся переносить не один раз. В дальнейших деталях своей личности путешественник должен быть отличным стрелком и ещё лучше страстным охотником; не должен гнушаться никакой чёрной работы, как, например, выюченья верблюдов, седлания лошадей, укладки багажа и пр., словом, ни в каком случае не держать себя белоручкою; не должен иметь избалованных вкуса и привычек, ибо в путешествии придётся жить в грязи и питаться чем Бог послал; не должен знать простуды, так как зиму и лето станет проводить на открытом воздухе; должен быть отличным ходяком; наконец, должен иметь ровный, покладистый характер, чем быстро приобретёт расположение и дружбу своих спутников.

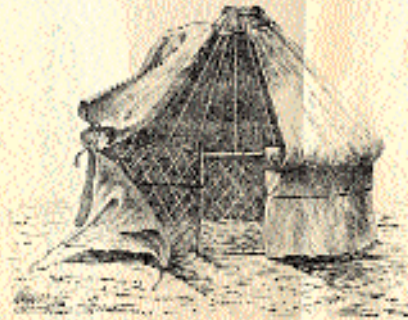
Вообще для путешественника, в высоком значении этого слова, требуется сочетание многих незаурядных физических и нравственных качеств, без чего крупный успех дела, даже при самой лучшей внешней обстановке, мало будет обеспечен. Откровенно говоря, путешественником нужно родиться, да и пускаться вдаль следует лишь в годы полной силы. С другой стороны, само путешествие неминуемо окажет благотворное влияние на своего деятеля: его здоровье и характер закалятся, выработается находчивость и навык

¹ Подобную главу я намеревался приложить ещё к изданию своего «Третьего путешествия по Центральной Азии», но не успел тогда её написать. В начале названной книги помещены были лишь рисунки (юрта, палатка, выючный багаж, завьюченный верблюд и др.), прямо относящиеся до предлагаемого описания. Вместе с тем эта глава может служить детальным пополнением к описанию всех моих путешествий по Центральной Азии. (Прим. Н.М. Пржевальского. — *Ред.*)

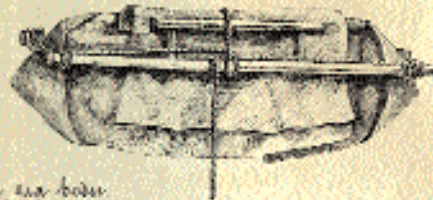
Приложение къ статье
Х.М. Трубевайскаго „какъ путешествовать“

Аламанъ

Ирпидъ

Ботылки для воды
Сидла для ботылокъ

Включенныя принадлежности

Верблюдъ нагруженный ботылками съ водою.

к практической работе, словом, приобретутся такие качества, которые впоследствии могут быть с пользой приложены к любому делу.

[...]

План путешествия. Как выше было упомянуто, программу путешествия следует намечать лишь самыми крупными чертами, ибо никоим образом заранее невозможно предугадать те обстоятельства, которые явятся на месте и часто неожиданно.

Тем более что наперёд нельзя собрать достаточно верных сведений о таких неизвестных странах, каковыми ещё недавно были многие части Центральной Азии, да и ныне пребывает значительная половина Тибета. Даже о местностях, гораздо более близких и менее обширных, до посещения их образованными путешественниками, сплошь и рядом получают самые нелепые рассказы всего чаще от бывалых там торговцев и самозванных исследователей. Мне лично в течение своей долголетней страннической жизни пришлось выслушать не один короб подобных глупостей, упоминать о которых здесь, конечно, неуместно. Такие рассказчики лгут частью по своему невежеству, частью умышленно для большего интереса рассказа.

Во всяком случае, предварительно путешествия в какую либо местность, необходимо знакомство с этим краем литературное. Как бы ни были бедны, а нередко и противоречивы сведения такого рода, они всё-таки принесут значительную пользу, хотя бы тем, что отчасти выяснят путешественнику, на что именно должно обращать больше внимания. Затем уже специальные исследования в большем или меньшем их объёме будут находиться в зависимости от условий путешествия, как равно от личных склонностей и подготовки самого путешественника. Скажу при этом, что он всегда должен жертвовать меньшим большему и никоим образом не упускать из виду общей задачи ради мелких частных.

Среднюю продолжительность «летучей» экспедиции, о которой постоянно идёт у нас речь, следует определить в два года или около того. Большой срок вынести трудно — может надорваться здоровье, не хватит запасов, не выдержат верблюды. Всего лучше подгонять таким образом, чтобы пробыть в странствовании два лета и одну зиму, следовательно начинать путешествие раннею весною. Если же это невозможно, то нужно выступать в путь с нашей китайской границы раннею осенью, но никак не летом, когда сильная жара сразу невыгодно отразится на людях и на верблюдах, ещё не приученных к подобным походам. По-моему, уже лучше, чем летом, начинать путь зимою, когда отгулявшие на летнем корме верблюды сильны и выносливы, а люди всё-таки могут хотя отчасти укрыться от холодов в войлочных юртах. Но при всех предварительных расчётах времени одинаково необходимо накладывать по крайней мере месяц опоздания — так выведено мною из опыта.

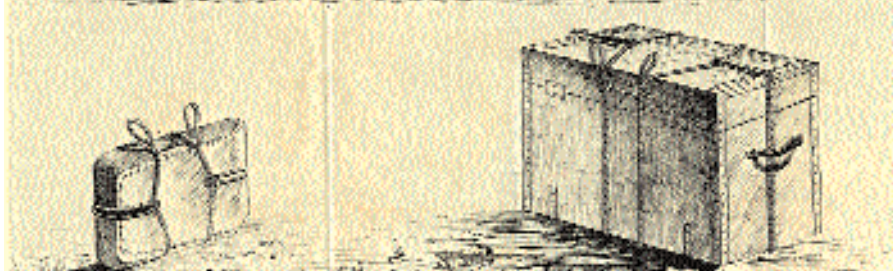
Китайским паспортом из Пекинского Цзун-ли-ямина (коллегии иностранных дел) записаться необходимо, и чем важнее прописан будет сан путешественника, тем лучше. При всём том, китайские власти непременно постараются тайными происками тормозить научные исследования путешественника, в особенности если познают в нём мастера своего дела. Как бы ни восхваляли некоторые путешественники любезность китайцев и их предупредительность относительно путешествующих европейцев, позволю себе в этом сильно сомневаться, по крайней мере для Центральной Азии. В данном случае всего вернее вышло одно из двух: или китайцы сразу сметили, что путешественник человек безвредный в смысле своей старательности и подготовки, или, пользуясь его неопытностью и доверчивостью, успешно отводили от нежелательных разысканий. При том происки китайские относительно европейца-путешественника многократно увеличиваются в Центральной Азии вообще, а в Тибете в особенности. Между тем именно Тибет ныне самая неизвестная часть Азии, и следовательно, страна в высшей степени заманчивая для путешественников. Но проникнуть туда мирным способом едва ли возможно. Правда, при усиленных настояниях в Пекине, китайцы вероятно выдадут паспорт в Тибет для путешественника, направляющегося с севера, но вместе с тем, как то уже и было со мною, всячески постараются сначала затруднить путь, а если это не удастся, то воздвигнуть более сильную преграду в виде распалённого невежества и фанатизма дикой массы.

[...]

**Из книги: Пржевальский Н.М.
Как путешествовать по Центральной Азии. Б. м., б. г. РГБ: W 311/87/**

Породныя принадлежности каравана.

Кожаная сумка с принадлежностями
Хитроманья сумка

Мешок с мукой,
Ящик для колбас.

Деревянный багаж каравана.

Верблюды, нагруженные ящиками с колбасами.

по мнению сведущих людей, я полагаю, что в попутных местах до Тибета не понадобится ни предъявлять билета, ни подвергать путников счёту; далее же Генералу Пржевальскому придётся по-прежнему рассчитывать на доказанную уже им смелость, которую, я надеюсь, он сумеет совместить и с благоразумною осторожностью. Я уверен, что Ваше Превосходительство не откажете в этом последнем отношении преподать ему полезные советы...».

В этом письме обращают на себя внимание те маленькие «невинные уловки», которые господа дипломаты и военные практиковали, чтобы обойти запреты или ограничения китайских властей (в частности, по конвою). Между тем, китайские начальники прекрасно знали подобные комбинации, а по части хитрости могли ещё и дать фору русским чиновникам. В этом смысле весьма показательным является официальный ответ из *ямыня*, приложенный к донесению Кумани. Даже и в переводе чувствуется тонкая и снисходительная ирония китайских властей по поводу попыток русских водить их за нос (ей-богу, так и хочется сказать: «вешать им лапшу на уши»). Из письма ясно видно, что для китайцев все эти уловки русских – не более, чем секрет Полишинеля. Об этом ясно говорят такие, например, его строки: «...иностранным путешественникам не дозволяется иметь с собой конвой. Между тем, в письме Вашего Превосходительства от 14-го Апреля было сказано, что с Г[осподином] Пржевальским будет два офицера ... и 24 чел. команды. В следующем затем письме было заявлено, что люди, которых он берёт с собою, составляют необходимую прислугу... В конце концов, для нас не вполне ясно, берёт ли с собой Русский офицер Пржевальский солдат или прислугу. Если это солдаты, то Министерству трудно было бы на это согласиться. Если это прислуга, то двух десятков нам кажется слишком много; потому что когда людей много, то это вызывает изумление и весьма легко может повести к неприятным историям».

В заключение – об упомянутых Кумани оговорках, которыми китайцы обставили выдачу Пржевальскому разрешения на проезд. Эти оговорки весьма существенны, они серьёзно обесценивают даже само значение охранного листа, поскольку китайцы по существу отказались гарантировать безопасность Пржевальского. Более того, в этих оговорках смутно слышится предупреждение о грозящих Пржевальскому опасностях.

Впрочем, предоставим читателям самим судить, что могут означать такие, напри-

Памятник Н.М. Пржевальскому в Петербурге.

мер, строки из уже упомянутого письма: «Что касается пустынности пути из Хотана в Тибет, обычного запрещения движения по нём и всех других затруднений, то об этом министерство уже подробно писало в неоднократных его ответах Вам. Ныне, в виду получения от Вашего Превосходительства нового и убедительного письма, – с заявлением при том, что, в случае несчастий, происшедших не по воле Китайских властей и по невозможности их оказать защиту ... не ставить Китайское Правительство в затруднение... ему остаётся только, скрепя сердце [через силу] согласиться на выдачу охранного листа. Но только при этом мы заметим, что в местах ... где письменность другая ... этот охранный лист будет бесполезен. Далее, ввиду только что открывшейся вражды Тибетцев с Англичанами, нельзя рассчитывать на повсеместную безопасность Русских, вследствие того, что у них есть охранный лист. Одним словом, в этот раз, при непрременном желании учёного путешественника проникнуть из Хотана далее, положительно трудно поручиться за то, что он не встретит опасностей. А потому Китайское Правительство слагает с себя ответственность за случайности [несчастья]».¹

Получив столь двусмысленное, чем-то похожее на предостережение, сопроводительное письмо к выданному-таки Пржевальскому «охранному листу», МИД

¹ Два варианта перевода (второй – в квадратных скобках) даны самим Кумани.

Этилог

Могила Н.М. Пржевальского на Иссык-Куле.

не стал сообщать его содержание военному ведомству. Однако, препровождая паспорт Пржевальского в Военно-учёный комитет Главного штаба, И.А. Зиновьев писал его заведующему генералу Ф.К. Величко: «...Считаю долгом покорнейше просить Ваше Превосходительство обратить внимание Генерал-Майора Пржевальского на настоятельную необходимость соблюдать во время его путешествия по Китайским владениям крайнюю осторожность и осмотрительность ... особенно в пределах Тибета».

Пржевальского перед отъездом в эту последнюю экспедицию одолевали, по свидетельству современников, дурные предчувствия. Рассказывали, что, прощаясь с родными и друзьями, он неожиданно для многих горько плакал, словно расставался навсегда. Вскоре по прибытии в Каракол он почувствовал себя плохо и через несколько дней, 1 ноября 1888 г. скончался от странной, так и не определённой тогда врачами болезни. По версии, опубликованной в посмертной брошюре-некрологе, – от скоротечной горячки, полученной после простуды, по официальной версии – от брюшного тифа, будто бы выпив на охоте воды из родника (хотя эту же воду пили и другие). Уже в наши дни медицинские эксперты высказали мнение, что причиной его смерти был, по-видимому, лимфогранулематоз. Но много ли значит диагноз, поставленный более века спустя после смерти больного?!

Говорят, что в Британии известие о смерти знаменитого русского путешественника вызвало почти ликование. Акции британских восточных компаний на Лондонской бирже резко пошли вверх.

Намеченная Пржевальским экспедиция была продолжена под руководством полковника М.В. Певцова, однако маршрут её проникновения в Лхасу уже не предусматривал. Возражений на эту экспедицию от китайского правительства не последовало.

Члены Третьей экспедиции Н.М. Пржевальского.

В оформлении использованы иллюстрации из книги: Путешествия Н.М. Пржевальского. СПб, 1900. РГБ: Р6 4/112.